

Лишь тогда один из присутствующих поднялся и сообщил, что глава боевых искусств решил провести собрание в усадьбе Золотого Изящества, расположенной в городке под столицей, через два месяца.

Лу Чэньби, опустив глаза, на мгновение задумался и только тогда вспомнил: в этом году главой боевых искусств стал Тао Тин из Школы Беззаботных.

— В столице уже вывесили объявления и подали документы на регистрацию, господин Лу, можете не сомневаться, — кто-то, словно желая развеять его возможные опасения, добавил.

Лу Чэньби прикинул в уме — через два месяца уже похолодает, а он, не терпящий стужи, не любил выходить из дому. Он уже собирался возразить, что дата неудачная, и попросить выбрать другую, как услышал рядом голос Цинь Шуан:

— Как раз через два месяца мы собирались в ту усадьбу встречать Новый год, так что дата прекрасно совпадает.

Се Сун повернулся к Цинь Шуан с удивлением. По всем правилам, в таком собрании ей не полагалось брать слово. В Усадьбе Мечного Сияния царил строгая иерархия, что Се Сун успел ощутить за эти дни. Слуги без зова не смели ходить где попало, а если велено было ждать — стояли на месте, не садясь и не двигаясь. Однако Лу Чэньби, похоже, не собирался её одёргивать.

Се Сун нахмурился. Похоже, положение этой служанки по имени Цинь Шуан было куда значительнее, чем он предполагал.

Лу Чэньби взглянул на неё и фыркнул:

— Ну, допустим, ты права.

Остальные, увидев его реакцию, решили, что он согласился, и полились сладкие речи, словно их не жалко. Хотя формально они были посланцами, приглашавшими Усадьбу Мечного Сияния на Собрание боевых искусств, задача их была выполнена, чай выпит, а уходить они всё не спешили.

— Вам, должно быть, утомительно было проделать путь, но Усадьба Мечного Сияния невелика, разместить столько гостей мы не сможем, — Лу Чэньби поднял руку, и несколько служанок вынесли подносы с дарами.

— Скромные подарки, прошу принять.

Се Сун ожидал, что гости станут церемонно отказываться, но те, не говоря ни слова, с радостными лицами приняли подношения. Лишь когда зал окончательно опустел, Се Сун наконец расслабился.

Лу Чэньби, увидев его облегчённый вид, рассмеялся, и вся сонливость с него как рукой сняло. Постукивая веером, он спросил:

— Испугался?

Се Сун взглянул на него и отрывисто произнёс:

— Я, право, не понимаю, что вы имеете в виду, господин Лу.

— Эй, зачем так сурово? Я ведь ничего особенного и не сказал, — Лу Чэньби вытер пальцем уголок глаза, где выступили слёзы от смеха, и велел Се Суну катить коляску.

Тот, помедлив мгновение, всё же взялся за ручки и медленно повёз Лу Чэньби в его покои.

— Когда от бабушки письмо пришло?

Се Сун подумал, что вопрос обращён к нему, и не успел сообразить, что ответить, как рядом откликнулась Цинь Шуан:

— Только что. Пишет, что хочет встретить Новый год в столичной усадьбе и на Собрание боевых искусств посмотреть.

— Вести до неё доходят быстро. Вернулась, а домой не заглянула, — Лу Чэньби постучал костяшками пальцев по своему бедру и нахмурился. — Что ещё?

Цинь Шуан ответила:

— Больше ничего. Только напоминает, что зима близко, и велела нам о вас заботиться.

Лу Чэньби промолчал, но Цинь Шуан добавила:

— Скоро годовщина смерти дедушки. Бабушка часто в это время подолгу не возвращается.

— Понял. Новогодние подарки в филиалы пошлите пораньше. О детях тоже позаботьтесь, учителей нанимайте лучших, — распорядившись, Лу Чэньби отпустил Цинь Шуан и велел Се Суну везти его быстрее в дом, твердя, что на улице слишком холодно.

Войдя в покои, он позвал служанок принести горячей воды для умывания. Се Сун уже собрался уйти, как Лу Чэньби протянул к нему руку.

— Что? — удивился Се Сун.

На лице Лу Чэньби отразилось нетерпение:

— Помоги мне на кровать.

Се Сун на мгновение застыл, но затем сообразил: Лу Чэньби, с его недугом, нуждается в помощи. Цинь Шуан не было рядом, и теперь это ложилось на него.

Он обхватил Лу Чэньби и понёс к ложу. Ещё раньше, глядя на его тонкие запястья, Се Сун замечал, что юноша худ, но теперь, держа на руках, ощутил, насколько тот лёгок. От него исходил лёгкий, едва уловимый аромат — словно он был чем-то надушен.

Се Сун вспомнил своих ровесников-братьев по школе. Пусть не дюжих, но крепких, сильных. Совсем не как этот юный господин — хрупкий и словно бескостный.

Он не удержался и спросил:

— Господин Лу, вы никогда не занимались боевыми искусствами?

— Видал ты калек, что упражняются в ушу? — усмехнулся Лу Чэньби, поправляя складки на одежде. — Впредь будь сообразительнее, чтобы мне не приходилось тебя окликать. А то другие заподозрят неладное.

Се Сун кивнул.

Лу Чэньби, видя, что тот всё ещё стоит на месте, спросил:

— Ты чего ещё здесь?

— У меня есть один вопрос.

Лу Чэньби снял головной убор и, опустив взгляд, произнёс:

— Усадьба Мечного Сияния дармоедов не держит. Бабушка велела мне лишь приютить тебя и спрятать от чужих глаз. Но не сказала, что ты будешь жить здесь, ничего не делая.

Се Сун возразил:

— Но зачем было сообщать моё местонахождение...

— Если так боишься, чтобы о тебе узнали, — просто займи первое место на Собрании, — Лу Чэньби взглянул на него и усмехнулся. — Или ты боишься, что твоё мастерство недостаточно?

Услышав такие легкомысленные слова, Се Сун слегка вспылал:

— Господин Лу, вы полагаете, что на Собрание боевых искусств, что проходит раз в два года, явятся лишь те, кто был здесь сегодня? Школа Беззаботных, Дворец Изначального Хаоса — все отправят своих лучших, не говоря уже о странствующих мастерах без школы...

Се Сун запнулся, увидев, как Лу Чэньби с улыбкой смотрит на него.

— Оказывается, и ты презираешь этих людей, — усмехнулся Лу Чэньби.

Се Сун тут же возразил:

— Нет, я не это имел в виду! Просто...

Но что он мог сказать? Даже если учитель и твердил, что люди равны, а в боевых искусствах нет высших и низших, в этом мире всё равно есть знать и чернь, а среди мастеров — первый и последний. Иначе почему, говоря о Школе Беззаботных и Дворце Изначального Хаоса, все вздыхают с восхищением, а о Школе Небесного Меча — лишь с сожалением вспоминают былое.

Былое, когда тысячи учеников славили свою школу, поднимая мечи к самым небесам.

— Поэтому ты и должен отправиться. Насколько я помню, ты ни разу не участвовал в Собрании? — спросил Лу Чэньби.

Се Сун кивнул:

— Учитель всегда говорил, что моё мастерство ещё сыро, и не разрешал.

Лу Чэньби фыркнул, что-то невнятно пробормотал, а затем спросил:

— А теперь? Мастерство созрело?

Се Сун уставился на него.

— Твою школу вырезали под корень. Я спрашиваю: готов ли ты теперь? Готов ли отомстить за своих зверски убитых братьев и сестёр?

Внезапно сознание Се Суна вернулось в тот день. За время короткого послеобеденного отдыха небо над Школой Небесного Меча залилось багрянцем. Его братья и сёстры, ещё мгновение назад мирные, внезапно схватились за мечи и бросились друг на друга, не помня родства.

Школа Небесного Меча пала не от рук внешних врагов, а от клинков своих же.

Взгляд Се Суна помутнел, но он твёрдо ответил:

— Готов.

Даже если не готов — должен быть готов.

— Господин Лу, у вас есть зацепки? — Се Сун понимал, что Лу Чэньби что-то знает, раз заговорил об этом.

Лу Чэньби ответил:

— Не то чтобы зацепки. Но, судя по твоим словам о внезапном помешательстве, кто-то явно подстроил. Я велел навести справки. Оказалось, те школы получили письма, где виновником назван ты.

Се Сун поспешно спросил:

— Кто их отправил?

— Не знаю, — отрезал Лу Чэньби. — Если кто-то осмелился разослать письма открыто, значит, не боится, что его вычислят. Школа Беззаботных и Дворец Изначального Хаоса тоже получили, но, судя по всему, не придали им значения.

Сердце Се Суна ёкнуло. Он оглянулся на свои двадцать лет жизни — всегда в стенах школы, даже в странствиях его сопровождал учитель. Ни с кем он не ссорился, даже младшие братья и сёстры в школе относились к нему с теплотой.

Перебрав в памяти всё, он не нашёл и намёка на причину.

— Я ни с кем не враждовал, так почему же...

— Не всё в твоей власти, — перебил его Лу Чэньби. — Иной рождается уже бельмом на глазу у других. Иная вражда возникает ещё до твоего появления на свет.

Се Сун взглянул на него, не понимая, о ком тот говорит.

— Что вы хотите сказать, господин Лу?

— Ничего не хочу. Я устал и хочу отдохнуть. Уходи.

Се Сун уже собрался что-то сказать, как в покои вошла Цинь Шуан, и он замер.

— Почему вы на ложе, а обувь не сняли? — с лёгкой укоризной произнесла Цинь Шуан, подошла, сняла с Лу Чэньби обувь и накрыла его одеялом.

Лу Чэньби буркнул:

— Прислуга бестолковая, разве в этом моя вина?

<http://bllate.org/book/15939/1424786>